

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Дерби Брайа

"Идеальное Рождество с Хаосом"

Серия: Предвестники Хаоса (книга 1,5)

Автор: Дерби Брайа

Название на русском: Идеальное Рождество с Хаосом

Серия: Предвестники Хаоса_1,5

Перевод: alevtinka_zago

Редактор: Екатерина Лигус

Обложка: Мария Суркаева

Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Пожалуйста, имейте в виду, читая эту небольшую историю о первом проведенном вместе Рождестве Мава и Эмбер, что события происходят между 47 и 48 главами романа «Пылающая Эмбер».

Спасибо.

Part 1

Часть 1

ЭМБЕР

Окинув взглядом подарки, заполонившие гостиную, я качаю головой. Это уже слишком. Я поворачиваюсь к сексуальному мужчине, стоящему рядом со мной, чтобы сказать ему это, но останавливаю себя при виде счастья, исходящего от него волнами. Уголок его губ приподнимается в усмешке. Свет от огоньков, которыми увешена новогодняя ёлка, освещает его загорелую кожу и отражается блеском в его янтарных глазах.

Я знаю, почему каждый раз меня продолжает поражать красота Мава. Думаю, я все ещё не верю, что он мой, а на смену тому придурику, представшему передо мной в первую нашу встречу, пришёл мужчина, о котором я даже не смела желать. Он подарил мне все, о чём я мечтала. Красивый дом. Семью. Стал любящим отцом для Уилл.

Я гладжу рукой по своему чуть округлившемуся животу. *И станет любящим отцом ей ёдному мальчику, который скоро появится на свет.*

Я охватываю взглядом потрясающую картину — наш дом, подготовленный к встрече нашего первого семейного Рождества.

То, что я сейчас здесь, стоит всех тех испытаний, с которыми я столкнулась. Боли, которую я перенесла. Извилистых поворотов судьбы, что привели меня сюда. Если бы пришлось, я бы всё повторила с самого начала.

Просунув под его руку свою, я обнимаю его за талию.

— Ей будет трудно определиться, с чем играть сначала.

Мав обнимает меня в ответ, пока его пальцы не начинают ласкать моё бедро и не опускаются ниже кромки моих пижамных шорт.

— Ставлю на то, что велосипед одержит верх над кукольным домиком, — говорит он, одарив меня застенчивой улыбкой.

— Я думаю, ей понравятся они оба.

Хотя я подозреваю, что единственная причина, по которой Уилл попросила домик для кукол, заключалась в том, что именно Медда хотела в них поиграть в следующий свой приезд.

Глядя на новый фиолетово-черно-белый велосипед со всеми его колокольчиками и клаксонами, я вынуждена согласиться с Мавом. Кожаная жилеточка с её именем тоже не останется без внимания. У Уилл заискрятся глаза, когда она увидит и то, и другое.

С тех пор как Мав прокатил её на своём байке, она стала одержима всем, что имело два колеса. Она считала бесчисленное количество своих дядюшек из «Предвестников Хаоса» самыми крутыми, поэтому я начала нарезать горячие бутерброды с сыром на четыре квадрата. Её новая любовь к велосипедам больше связана с ними и новым человеком в её жизни, нежели чем-то иным.

Когда Мав, наконец, нашёл путь к её сердцу, как в случае со мной, Уилл не просто стала обожать его, она стала маленькой копией меня, его тенью. Они все делали вместе,

когда он был дома. Вместе рисовали, вместе готовили, вместе работали над детским садиком.

По правде говоря, я немного завидовала тому, как они сблизились. Кроме того, чем ближе они становились, тем больше казалось, что мы с Мавом отдаляемся друг от друга.

Или, по крайней мере, я чувствовала это пару дней назад.

Видите ли, после того, что случилось с Уорнером, между Мавом и мной образовалась некая дистанция. Мав держался в стороне, чтобы дать мне время залечить раны. Я сторонилась его, потому что не знала, как обстоят наши дела. Он отказался от холостяцкой жизни, оточных вечеринок, секса и алкоголя, став медсестрой, поваром, горничной и няней. Из дня в день я гадала, не пожалел ли он о своём решении привезти нас сюда. Мои страхи лишь укрепились, когда он начал проводить больше времени вдали от нас. Я знала, что происходит в клубе. Стоило только представить, сколько соблазнов маячило перед ним каждый божий день. Часть меня прекрасно понимала, что у мужчин есть потребности. Потребности, которые, как мне казалось, я не смогу удовлетворить без воспоминаний об Уорнере, захвативших мой разум. Но все же мысль о Маве с другой женщиной разъедала меня изнутри. Я пыталась ему доверять. Я старалась бороться с ужасными мыслями каждый раз, когда он выходил за дверь. Но эта пропасть между нами ширилась и разрасталась всякий раз, когда он уходил, и моя вера в нас иссыкала с каждым прожитым днём.

Пока я не решила вызвать его на разговор.

Открытие истинной причины отчуждения Мава стала для нас поворотным моментом. Это откровение изменило все.

Чувствуя, что его рука сжимает меня сильнее, я поднимаю голову и смотрю на него.

— О чём задумалась?

Я кладу руку ему на живот, он притягивает меня к себе, чтобы я прижалась к его боку.

— Только о том, насколько все было запутанно раньше и насколько идеально сейчас.

Убрав мои волосы со лба, он обхватывает ладонями моё лицо и приподнимает его.

— Правда? — его улыбка чуть не срывает с меня трусики. — Ты счастлива, детка?

— Да, — кивнув, улыбаюсь я ему. — Сомневаюсь, что могу быть ещё счастливее.

Его взгляд пробегает по моему лицу, а его большой палец ласкает мою челость.

— Да? Это потому, что сегодня утром я подарил тебе несколько оргазмов, или потому, что завтра Рождество и ты наконец-то откроешь тот маленький подарок от своего тайного поклонника?

Он дразнится, но переводит свой взгляд с меня на подарок, лежащий под деревом и завернутый в золотую бумагу, с огромным золотым бантом. Размером он походит на две большие книги, без указания обратного адреса. Признаюсь, я немного боюсь его открывать. В конце концов, это может оказаться какой-то жуткий подарок от Дэвиса, чтобы напомнить нам о себе, или что-то от отца Уорнера, который воспользовался всеми своими связями, чтобы прошерстить клуб и выяснить, имеют ли члены этого клуба какое-то отношение к исчезновению его сына.

Тем не менее, в глубине души я уверена, что подарок не от них, хотя почтовая марка явно указывает на Сан-Диего. У меня такое предчувствие, что подарок либо от моей матери, которая меня бросила, либо от моего отца, который пытался меня убить.

Мав делает вид, будто его это ни капельки не волнует. Но я вижу, как его взгляд ожесточается, а тело напрягается каждый раз, когда он смотрит на подарок. Словно он боится, что содержимое каким-то образом разрушит счастье, которое мы обрели.

Поднявшись на носочки, я чмокаю его в губы. Он стонет и пытается углубить поцелуй, но я отступаю и прислоняю голову к его груди, наблюдая за часами на стене. Я жду, когда длинная стрелка минуты двенадцать.

Полночь.

— Я счастлива, потому что наступило Рождество, и я, наконец, вручу тебе твой подарок, — поясняю я. Разорвав объятия, я наклоняюсь к дереву и беру коробку, завернутую в красно-белую бумагу. — Он идёт с ними, — я указываю на красные пижамные штаны, которые он получил час назад. Они смотрятся на нем грешно, свободно свисая с бедер. Могу только представить, как они будут выглядеть, когда он снимет свою белую футболку.

Загорелая кожа. Редкие тёмные волоски на груди и под стальными, как канат, кубиками пресса, что ведут к леденцу, который я несколько месяцев как хотела облизать, но мне ещё представится такой шанс. В скором времени я планирую исправить этот пробел.

— Я подумала, мы могли бы начать ещё одну новую традицию.

Открывать подарки в канун Рождества и получать новый набор пижам — это семейная традиция Бетани, и когда я рассказала о ней Маву, он решил, что это хорошая традиция, чтобы начать с неё строить нашу собственную семью. Это заставило меня задуматься о других традициях, которые мы могли бы начать, и о том, как я хотела, чтобы моё первое Рождество с Мавом было особенным. Так что я кое-что спланировала для меня и для него.

Судя по тому, как загораются его глаза, я могу с уверенностью сказать, что он не привык получать подарки. Судя по тому, как он кусает губу и борется с улыбкой, не сложно представить, как он выглядел, когда был ребенком. От этой картины в моём животе зарождается приятный трепет.

Я представляю себе нашего малыша, и как он или она будет выглядеть. Наверно, с тёмными волосами и сине-зелеными глазами.

На мгновение у меня в голове вспыхивают образы ребёнка со светлыми волосами и голубыми глазами, и как обычно, когда я думаю о том, что этот малыш не от Мава, моё сердце сбивается с ритма.

Хватит, Эмбер. Это ребёнок Мава.

Уорнер использовал презерватив.

Точно использовал? Я была в полубессознательном состоянии, чтобы знать наверняка.

В моём сердце это ребёнок Мава. К тому же, по словам Мава, он будет любить этого малыша, не важно, будет ли он частью нас двоих или только частью меня. Но все же, пока не будет подтверждения, думаю, что я не избавлюсь от терзающих меня сомнений.

— Пол не верил в необходимость покупки всякого «хлама», чтобы отпраздновать рождение Христа, — бормочет Мав, медленно проводя пальцем по краю оберточной бумаги, чтобы её снять. — Он заставлял нас ходить на службу в Рождество, — взглянув на меня, он добавляет: — Там было не всегда плохо, иногда мне это действительно нравилось. На душе становилось легче, понимаешь? — затем его улыбка немножко угасает.

— Но было бы неплохо хотя бы один раз получить скейтборд, игровую приставку... или что-нибудь другое.

Когда он начинает срывать упаковочную бумагу с коробки, моя нервозность возрастает.

Мав уже знает, что я беременна. После того, как он спросил, не беременна ли я, мы с Лили отправились в магазин и купили полдюжины домашних тестов. Мав стоял за дверью в ванную комнату, пока я использовала столько тестов, сколько могла. В итоге их оказалось три.

Когда я вышла из ванной, держа их в руке, от выражения его лица я застыла на месте.

Оно было пронизано не страхом, как я полагала, а надеждой. Таким количеством надежды, что он едва её сдерживал. Он стоял, прислонившись к стене, подергивая ногами и барабаня пальцами по бедру. Его голова была откинута назад, а глаза закрыты. Но стоило мне сделать шаг и подойти к нему, все эти дерганья прекратились.

За считанные секунды он прочитал каждый нюанс на моём лице и нашёл ответ, на который уповал. Мне не нужно было ничего говорить или показывать ему тесты. Он прочитал все в моих глазах и закричал от радости, сгреб меня в охапку и сжал до полусмерти в своих объятиях. Он не оставил без поцелуя ни один сантиметр на моей шее и лице, прежде чем зажать в ладонях мои щеки и с жадностью наброситься на мои губы, и, клянусь, в последующие два дня он был очень нежен.

Впрочем, мне все равно. Он мог целовать меня так, как ему заблагорассудится, тем самым демонстрируя мне, насколько он был счастлив со мной, как его обрадовали новости и перспективы, которые нас ждали в будущем.

К счастью, я попросила Лили присмотреть за Уилл ещё пару часов. И я рада, что сделала это, поскольку Мав, не мешкая, отнес меня в свою кровать и снова познакомил меня с той стороной своей личности, которую я не видела вот уже несколько недель.

Люци.

Мой Люци.

Я отбрасываю воспоминания и возвращаюсь в настоящее, где Мав отделяет верхнюю часть коробки от нижней половины. В его груди слышится рокот одобрения. Он цепляет своим мизинцем красные кружевные трусики.

— Боже, детка. Ты пытаешься меня убить?

Мав облизывает губы, когда берет идущие в комплекте с бюстгальтером чулки и пояс с подвязками.

— Чёрт, ты собираешься носить это?

Он изучает меня своими пылающими золотистыми глазами и протягивает руку, чтобы схватить меня.

— Почему бы тебе не открыть конверт, пока я переодеваюсь? — говорю я, уворачиваясь от его рук и улыбаясь.

Он передаёт мне коробку с явной неохотой и провожает меня взглядом, пока я не выхожу из комнаты. Я оставляю его на пару с конвертом и поднимаюсь наверх, чтобы переодеться. После чего надеваю свои красные туфли на высоких каблуках под цвет нижнего белья, и возвращаюсь вниз.

Я догадываюсь, какая картина передо мной предстанет, когда я, наконец, увижу его, но все равно моё сердце переполняет счастье. Мав сидит, повернувшись лицом к елке, на

краю кремового замшевого дивана и смахивает слёзы с глаз, высматривая своего ребёнка на снимке с УЗИ, который я ему подарила.

— Я хотела подарить тебе первую фотографию нашего малыша, — говорю я, подходя ближе, и провожу руками по его тёмным волосам. Он тычется головой в мою руку. Его пальцы скользят вверх по моей голени и кружат по ноге. Другая его рука проделывает то же самое, и вместе они скользят по тыльной стороне моих коленей вверх, добираясь до бедер. Когда Мав поднимает голову и его глаза встречаются с моими глазами, я сажусь на него верхом, опускаясь на его колени.

— А ещё я купила нам камеру, чтобы мы могли делать больше снимков, — признаюсь я, продолжая пропускать сквозь пальцы его волосы.

Мав просто смотрит на меня, но в его взгляде целый калейдоскоп эмоций. Я не могу определить, рад он снимку или расстроен тем, что я пошла на свой первый приём к врачу без него. Мне было не по себе от того, что не попросила его вчера пойти со мной на особый приём, который мне назначил доктор Алистер. Но я хотела устроить ему сюрприз.

С силой, которую я не ощущала раньше, он впивается пальцами в мою кожу. Он держит меня так крепко, будто боится, что, если отпустит, я ускользну. Затем он качает головой и отводит взгляд.

— Эй, — я наклоняюсь так, чтобы заглянуть ему в глаза. — Что не так? Ты злишься, что не смог пойти со мной?

Он слегка отклоняется, и его глаза цвета расплавленного золота встречаются с моими глазами. Он опускает взгляд на моё тело, а когда поднимает, то вздыхает:

— Это все, о чём я мечтал, и каждый день становится все лучше и лучше, — он долго смотрит на меня, после чего добавляет: — Иногда мысль о том, что могу всего этого лишиться, до ужаса меня пугает.

Он окидывает взглядом моё лицо. Эмоции, которые я вижу, на секунду вводят меня в ступор.

Я кладу руку на татуировку набитую на его предплечье.

— Тише... Я здесь и никуда уходить не собираюсь. Мы вместе, так? Навсегда.

Его хватка на моей талии вновь усиливается.

— Я боюсь каким-то образом всё испортить. Как раньше. Мы потеряли столько недель, потому что я не пришёл и не рассказал тебе, что со мной происходит.

— Мав, нет человека, который мог бы любить меня больше, чем ты. Я знаю это. Я не жду, что ты будешь идеальным. Никто не идеален. Даже я. Просто будь настолько хорошим, насколько можешь, и я буду любить тебя за это, как Уилл и этот ребёнок. Все, что ты можешь сделать, это говорить со мной и рассказывать, что ты чувствуешь. Я не могу читать твои мысли, вот в чём проблема. Мы не можем продолжать строить из себя знатоков человеческих душ. Мы должны разговаривать друг с другом.

— Я знаю, детка, — он обхватывает моё лицо ладонями и гладит по щеке. — Обещаю впредь быть откровенным с тобой, хорошо? Больше не придётся строить догадки и предположения.

— Я тоже обещаю, — киваю я.

Я позволяю ему притянуть меня поближе к себе, чтобы прикорнуть на его груди. Его сердце бьётся под моим ухом. Его рука гладит меня по спине.

— Спасибо, — говорит он. — Это был лучший рождественский подарок, который я когда-либо получал.

— Ты видел предполагаемую дату родов?

Я не вижу этого, но знаю, что он улыбается.

— Да, июнь. Кажется, что долго, но я понимаю, что время пролетит незаметно.

— Как ты думаешь, когда нам лучше рассказать Уилл?

Какое-то время он обдумывает вопрос, прежде чем ответить.

— Завтра?

Я усмехаюсь, потому что подумала о том же. Я просто немного нервничаю при мысли о том, как Уилл воспримет новости. Что, если она не захочет делить нас с другим ребенком? Сейчас она в центре внимания, но что она будет чувствовать, когда придётся разделить это внимание?

— А что насчёт другого подарка?

Проходит не так много времени, как передо мной предстает мой непредсказуемый байкер. Я знала, что он будет не прочь поиграть. Его пальцы начинают теребить кромку моих трусиков, затем они скользят ниже и одной большой ладонью он накрывает мою ягодицу. Нагнув голову, он шепчет мне на ухо:

— Твоё тело не должно быть обернуто в этот цвет.

— Да? Почему это? — улыбаюсь я, прижимаясь к его груди.

Проигнорировав мой вопрос, он спрашивает:

— Ты думаешь, она уже спит?

Когда я сажусь прямо и кладу руки ему на плечи, он украдкой бросает взгляд на лестницу.

Я прослеживаю за его взглядом, а затем снова смотрю на него.

— Да, я проверяла. Она спит.

Его палец начинает скользить по бretельке моего бюстгальтера. Потянув в сторону, он позволяет ему упасть с моего плеча. Затем он делает то же самое с другой стороны, поэтому мой лифчик повисает и демонстрирует больше, чем нужно. Он снова откидывается на спинку дивана и размещает меня на своих коленях так, чтобы он мог лучше меня рассмотреть.

— Чёрт, Куколка. Я хочу ущипнуть себя и убедиться, что не сплю.

Он поднимает свои большущие руки и обхватывает ладонями мои груди. Он проверяет их вес и чувствительность.

— Они определенно стали больше, — я хмурюсь. Не могу сосчитать, сколько раз он твердил это за последние несколько дней. Смеясь над моим укоризненным взглядом, он снова смотрит на них. — Я не жалуюсь. Ни в коей мере. На них... — высунув язык, он облизывает губы и потирает своими мозолистыми пальцами каждый сосок. — На них просто трудно не плятаться. У меня встаёт, стоит лишь подумать о них. Но это...

Он коварно ухмыляется.

— У меня руки чешутся сделать фотку, чтобы никогда не забыть их такими, заключенными в красное кружево и готовыми практически выпрыгнуть из этого лифчика.

Подавшись вперёд, он выталкивает мою грудь за границы кружева, а затем кружит своим языком вокруг моего набухшего соска. Я выгибаю спину от пронзающей моё естество боли, словно от того места, где меня касается его рот, до моего лона проходит струна. Обхватив Мава за затылок, я прижимаю его голову к себе. Его рот осыпает поцелуями нежную кожу моей груди, и с каждым таким поцелуем моё влагалище

напрягается. Он воздаёт должное обеим половинкам моей груди, прокладывает дорожку поцелуев вверх по шее, пока не выдыхает мне в ухо.

— Развернись, — от низкого тембра его голоса все волоски на моём теле приподнимаются, но не от страха. С его помощью я поворачиваюсь, садясь лицом к дереву. Через мгновение я оглядываюсь через плечо, чтобы взглянуть на него. Мав стонет долго и глубоко. Он поглаживает себя под штанами, а другую руку поднимает, чтобы погладить меня по спине. — Иисусе, Куколка, не знаю, что я сделал, чтобы заслужить тебя, но я чертовски благодарен, что ты моя.

Его глаза горят ярким пламенем.

— Иди сюда, — произносит он.

Мав запускает руку в мои волосы, зажимая их в своём кулаке. Он разворачивает меня в пол-оборота к себе так, чтобы прикоснуться своим лбом к моему, и помогает мне откинуться назад, чтобы моя спина легла ему на грудь. Его порывистые вдохи пробуждают во мне похоть. Он обвивает меня другой рукой и щиплет за сосок, вынуждая его затвердеть.

Он опускает взгляд на свою руку.

— Я был нежен с тобой до сих пор, — хрипотца в его голосе говорит сама за себя. Это уже не мой Мав. Это Люци, и от одной мысли о том, что меня ждёт, новые трусики, которые я надела, промокают насовсем. Затем он целует меня, накрывая своими губами мои губы, и его язык проскальзывает мне в рот. Он властвует и играет с моим языком, лаская меня изнутри. Когда он обрывает поцелуй, его зубы мгновенно погружаются в мою нижнюю губу и, прежде чем отпустить, зажимают её между зубами. — Но сегодня я не хочу быть нежным, Куколка.

Он надавливает мне на спину, заставляя наклониться вперёд. Я упираюсь руками в колени, чтобы не завалиться вперёд. Стоит мне это сделать, как он пристраивает свою эрекцию к моей заднице. Его грудь вибрирует от рычания, вызванного этим трением. Мы начинаем раскачиваться в унисон. Затем он снова тянет меня к себе, впиваясь губами в моё плечо, в мою шею. Он приподнимает мои волосы и целует редко затрагиваемый участок кожи по линии роста моих волос.

Я стону, как ненормальная, от каждого его действия, но мне все равно. Я чувствую себя обалденно. Влажные губы прижимаются к моему затылку. Зубы царапают точку пульса на моей шее. Его язык задевает кожу над ухом и, Боже милостивый, я почти кончаю от одного этого. Его руки массируют каждую часть моего тела. Они скользят и мнут мою грудь, плечи и кожу головы. Его пальцы настолько глубоко погружаются в мою кожу, что я теряю себя. Ощущения его губ, рук и члена вынуждают меня неосознанно съывать проклятиями.

Когда рука Мава обвивает мой живот, я оказываюсь в паре секунд от оргазма. Он отводит мои трусики в сторону и без предупреждения погружает в меня два пальца. Прокричав «Люци!», я мгновенно кончу. Моё лоно пульсирует и сжимает его пальцы снова и снова, пока мышцы не расслабляются.

Проходит немало времени, прежде чем он вынимает из меня пальцы и ведёт ими вверх по моей коже, моему животу, груди и шее. Он не произносит ни слова, когда проводит ими по моим губам, но ему это и не нужно. Я открываю рот, и он просовывает их в него.

Его пальцы занимаются любовью с моим ртом. Я сосу и слизываю с них все свои соки.

Он, не переставая, целует меня, пока не всасывает в свой рот мочку моего уха, а потом выдыхает:

— Развернись, детка, и дай мне этот сладкий ротик.

Я делаю, как он говорит, и снова сажусь на него верхом, широко расставив ноги. Но прежде чем он успевает меня поцеловать, я дергаю его за футболку и жду, пока он не стянет её через голову и бросит на пол.

Тогда он сминает мои губы в жарком и жёстком поцелуе. Грубом и требовательном. Он с жадностью упивается мной, рукой помогая себе стянуть свои штаны, а затем поднимает меня так, чтобы быстро сдвинуть мои трусики и толкнуться в меня. Я стону и ласкаю каждый дюйм его груди, пока он наполняет меня. Пальцы Мава снова начинают мять мою плоть. Но одна рука остаётся на моей талии и принуждает меня двигаться взад-вперед, вверх-вниз, врачающая бедрами с каждым его толчком.

— Боже, детка. Вот оно. Объезди меня, дай мне почувствовать, как эти сиськи ударяются о мою грудь.

Мы тяжело дышим, отчаянно хватая ртом воздух, когда наши тела потираются друг о друга. Он рычит все чаще, и с каждым таким рыком его движения становятся более мощными, более безудержными, в стремлении достичь разрядки.

— Люци. Да, о, чёрт. Так близко. Нет, вот здесь. О, мой Бог, — испускаю я, откинув голову назад.

Приподнимая меня и опуская, он погружается глубже и задевает ту точку, где я нуждаюсь в нем больше всего. Он делает это снова. И снова. Чувствуя, что мои мышцы напряжены, а ноги дрожат, я стараюсь оттянуть неизбежное. Но затем он разрывает поцелуй и вонзается зубами в мою кожу между шеей и плечом. Я теряю самообладание, пока моё тело пронзает изысканная боль, устремляясь прямо к средоточию моего желания.

Когда я закрываю глаза, чтобы позволить себе окунуться в удовольствие с головой, в моих смеженных веках отплываются маленькие огоньки, похожие на те, что висят на дереве позади меня.

Мав продолжает ожесточенно вколачиваться в меня.

— Господи Иисусе, — хрипит он, напротив моей кожи, когда его тело находит своё освобождение в моём. Внутренние стенки моего влагалища начинают постепенно расслабляться, но его член не перестаёт пульсировать, наполняя меня своим теплом.

Когда последняя капля спермы покидает его тело, Мав откидывается на спинку дивана и утягивает меня за собой. Он обвивает меня руками и крепко прижимает к своей груди.

— Ммм, — устало бормочет он мне в висок. — Мы повторим это в следующем году. И в последующие годы тоже.

— Что-то вроде нашей собственной рождественской традиции.

— Да. Только моя и твоя. Чертовски жаркий секс перед елкой. Звучит превосходно.

Мав протягивает руку и ухватывается за одеяло, стаскивая его с края дивана. Он накидывает его мне на плечи, укрывая тем самым нас обоих. Я прижимаюсь к нему ближе и вдыхаю его запах.

— Ты делаешь меня счастливой, Мав. Я люблю тебя.

Костяшкой пальца он приподнимает мой подбородок и целует в губы.

— Я тоже люблю тебя, детка. Спасибо, что сделала это Рождество лучшим в моей жизни.

— Оно только начинается, подожди, пока Уилл не проснется, — говорю я, хихикая.

— Не могу дождаться, когда увижу её лицико, — усмехается он.

— Ты ведь понимаешь, что через несколько секунд она разорвет оберточную бумагу на кусочки, верно? — он не отвечает. Вместо этого он закрывает глаза, и его улыбка становится ещё шире. — Потом она попросит тебя научить её ездить на её новеньком велосипеде.

— Как я и сказал. Не могу дождаться, чёрт возьми.

— Она крутит тобой, как хочет, — смеюсь я.

Он открывает глаза и сосредотачивает взгляд на моём лице, опуская его на мои губы, а затем снова смотрит мне в глаза.

— Как и ты, Куколка. И в этом нет ничего плохого. Я люблю своих девочек.

Покачав головой, я устраиваюсь у него под подбородком.

Долгое время мы просто лежим. Слышно только тиканье настенных часов и наши вдохи.

Я первая нарушаю тишину.

— Мы устроили дикий беспорядок.

Он смеётся и начинает стаскивать меня с себя.

— Как насчёт того, чтобы подняться наверх и завершить начатое там?

Поднявшись, я оборачиваю вокруг себя одеяло. На мгновение мне кажется, что он шутит.

Но потом он подхватывает меня на руки, да так внезапно, что я вскрикиваю от изумления.

— Мав!

— Пошли. Хочу показать тебе, почему я никогда не был послушным мальчиком.

Part 2

Часть 2

МАВЕРИК

Как и предполагалось, оберточная бумага летит в разные стороны. Уилл разворачивает свои подарки так, будто она ограничена во времени. Моё внимание приковано к ней. Радостное волнение, заключенное в её крошечном теле, — это удивительное зрелище.

Я не припомню, чтобы у меня когда-либо было такое Рождество. Даже в детстве. Даже когда встречал его с мамой. Это было давно, но, думаю, я бы вспомнил, если бы оно было таким же.

Я размышляю о своей матери и ее «поддержке и опоре», вставшей мне поперек горла.

Не могу поверить, что она приедет к нам в гости, а мой придурковатый отчим нет. Она наконец-то познакомится с Эмбер и Уилл, и я точно знаю, что она их полюбит. Когда она позвонила и сказала, что Пол заболел, я был уверен, что ни один из них не приедет. Это разозлило меня. Я посчитал, что это просто оправдание. Я был готов умолять ее пересмотреть свое решение, как вдруг она меня огородила. У нее с Полом возникли проблемы. Оказывается, мой не столь святой отчим облажался и завел интрижку с одной из ее подруг из церкви. Они пытались наладить отношения, но она посчитала, что после всей этой грязи было бы неплохо провести отпуск вдали друг от друга.

Паршиво, конечно, но, с другой стороны, эти новости были лучшими из тех, что я слышал с тех пор, как узнал, что Эмбер беременна. Я ненавижу Пола. Он самоуверенный сукин сын, годами настраивающий мою мать против меня.

Если моя мама больше не зациклена на мистере «Благословение Божье», возможно, она, наконец, поймет, что, даже не будучи пай-мальчиком, я хороший человек, что я все тот же сын, которого она вырастила и который ее любит.

Резкий крик вырывает меня из раздумий. Уилл вытаскивает огромного плюшевого единорога из коробки и стискивает его в таких крепких объятиях, которые я никогда не видел.

— Мамочка, смотри!

Я усмехаюсь над ее ответом, а затем бросаю взгляд на Эмбер. Ее глаза загораются каждый раз, когда Уилл зовет ее «мамой». Это что-то новое и ежедневно шокирует нас обоих, но также кажется правильным.

— О, мой Бог! Только посмотри на него! — восклицает Эмбер, смеясь и поглаживая Сейнта, не давая ему броситься на нового единорога Уилл.

— Я знаю! Он большущий! — кружась, пищит Уилл.

Наклонившись, я протягиваю руку и вытаскиваю из-под дерева последний подарок, который у меня припасен для Эмбер, кинув хмурый взгляд на другой подарок, окутанный зловещей тайной.

— Это предпоследний, малыш, — говорю я, передавая ей свой подарок.

Эмбер берет его, но морщит лоб.

— Боже, Мав. Ты уже и так мне много всего надарила.

Она оглядывает кучу одежды, драгоценностей, косметики и других мелочей, которые я ей преподнес.

— Да, но эти последние подарки особенные.

Эмбер отпускает нашего щенка Сейнта, и он тут же несется к Уилл и ее единорогу.

Эмбер не торопится разворачивать подарок, будто она знает, что внутри. Я напрягаюсь, когда она разрывает бумагу и кусает губу, снимая крышку с коробки. Едва уловимые изменения в выражении ее лица вынуждают меня затаить дыхание.

Я поторопился?

Скажет ли она «да»?

Эмбер краснеет и опять кусает губу. На мгновение она обращает свой взгляд на меня, после чего снова смотрит на кожаный жилет, лежащий внутри коробки. Жилет, на котором нашито ее имя и мое. Жилет, который объявляет ее моей женщиной и частью нашей маленькой семьи «Предвестников Хаоса».

— Мамочка! Тебе подарили такой же жилет, как и мне! — хлопает в ладоши Уилл, а затем пробегает своими крошечными пальчиками по нашивке на задней стороне жилета.
— Ооо... она похожа на ту, что у тети Бёрди (*прим. Birdie (англ.) — птичка*).

Мою грудь сдавливает от беспокойства, когда пальцы Эмбер прослеживают тот же путь, что и пальчики Уилл. Они скользят по символам «Предвестников Хаоса». Затем она приподнимает жилет, словно это хрупкий кусок материи, и осторожно поворачивает его. Ее пальцы не касаются самой нашивки, но они обводят слова на ней «*Собственность Люци*», затем они смещаются в сторону и очерчивают ее прозвище «*Куколка*».

От ее молчания в животе становится неспокойно, как во время шторма в океане.

Не в силах и дальше выносить эту муку, я подхожу к ней и приседаю. Я убираю волосы с ее лица. Ухватив ее за подбородок, я поворачиваю ее лицо так, чтобы она подняла на меня взгляд.

— Детка, ты меня до инфаркта доведешь. О чем ты думаешь? Он тебе не нравится?

Покачав головой, она развеивает мои опасения.

— Нет, я просто задавалась вопросом, почему ты так долго тянул. Лили сказала, что ты заказал эту вещицу несколько месяцев назад. Ты забыл, как пишется мое имя?

Все тот же дерзкий ротик.

— Она ничего не должна была говорить.

— Да, но Лили не умеет хранить секреты. Особенно, когда напьется.

Широко ухмыляясь, она подхватывает мой подарок и поднимается. С излишней аккуратностью она просовывает одну руку в жилет. Я встаю за ее спиной и помогаю ей продеть другую руку. Увидев, как рыжие локоны ее волос каскадом спадают по цветам клуба, у меня мгновенно встает.

К счастью, я стою за ней, поэтому Уилл ничего не видит.

Схватив Эмбер за плечи, я поворачиваю ее лицом к себе. Ее голова опущена, поскольку она любуется своим новым жилетом.

— Боже, Куколка. Скажи что-нибудь. Ты убиваешь меня. Он тебе нравится?

В ответ она хватает меня за футболку и притягивает ближе. Приподнявшись на цыпочки, она целует меня крепко и долго. Затем на секунду отстраняется, чтобы прошептать:

— Он мне нравится, — после чего снова впивается в мои губы и проводит язычком по моим губам. — Мне нравится, что он говорит всем о том, что ты мой.

В моей груди зарождается рык. На заднем плане я слышу, как Уилл говорит что-то о том, что поцелуй это противно, но мне наплевать. Зажав в кулаке волосы Эмбер, я углубляю поцелуй, безмолвно давая понять, как сильно я ее люблю.

Мы отрываемся друг от друга, только когда Уилл вклинивается между нами и упирается руками нам в животы.

— Теперь мы покажем ей сюрприз? Ты сказал, что только после того, как все подарки будут открыты.

Я стону. Не хочу останавливаться. Но все же улыбаюсь, потому что Уилл — нетерпеливое маленькое создание, и мне это нравится. Несмотря на то, что биологически она не моя, она так похожа на меня, что даже становится жутко.

— Да. Думаю, сейчас самое подходящее время.

Уилл прыгает, нисколько не сдерживая свое ликование.

— А потом ты поможешь мне покататься на моем велосипеде?

Эмбер ухмыляется мне.

— Я предупреждала тебя.

При мысли о том, что обучу Уилл ездить на ее первом велосипеде, и, наконец, покажу Эмбер, что я сделал с пространством над гаражом, моя улыбка растягивается до ушей.

Может ли что-то испортить этот день? Нет, я так не думаю.

Но затем мой взгляд падает на чертов подарок. Тот, что принесли, когда меня не было дома. Если бы я забрал его у почтальона, я бы выбросил это гребаное барахло в мусор, потому что догадываюсь, от кого оно.

Помяните мое слово. Ничего хорошего в этом подарке нет. Эмбер пожалеет, если откроет его, но, Богом клянусь, если кто-то ее сегодня расстроит, то жестоко поплатится за это.

ЭМБЕР

Детский садик. Он спроектировал и возвел над гаражом сказочный детский садик. Осматривая комнату, я округляю глаза и прикрываю рот руками. Видимо, было недостаточно того, что он пропадал часами напролет и обустраивал часть пространства над гаражом под апартаменты, которые мы могли сдавать в аренду. Пространство, которое я, посоветовавшись с ним, хотела предложить Айви, когда ее найду. И тогда этот удивительный мужчина берет и строит для меня чертов детский садик.

Господь Всемогущий, что же мне с ним делать?

Любить его.

Да, черт возьми. И я люблю.

Потому что это... потрясающее.

В центре комнаты установлено огромное дерево. Оно не настоящее, но, безусловно, очень милое. Центр ствола освещается изнутри и выглядит очень массивным. Мав говорит, что это место для внеклассного чтения. Но Боже... это самая искуснейшая вещь, которую я когда-либо видела.

Я перевожу взгляд с дерева на полки с детскими книгами. Уилл сияет, стоя рядом с ними.

— Она помогла мне выбрать парочку интересных, — указывает Мав на Уилл.

— Боже, Мав. Это невероятно.

— Бетани тоже помогала. Я не знал, что тебе понадобится, поэтому я дал ей денег и она кое-что прикупила. Стол, стулья и коврики. Остальное я заказал он-лайн с доставкой в клуб.

Оторвавшись от него, я пересекаю комнату. Она необычайно красочная, а крошечные стульчики заставляют мое сердце трепетать. Когда я добираюсь до другого конца комнаты, я вижу множество вещей: коробки с карандашами, красками, кистями, игрушками, одеялами, матрасами для дневного сна.

— О, мой Бог. Как ты узнал?

— Как ты и говорила, Лили становится болтливой, когда напьется.

— Напьется. Напьется. Напьется, — напевает Уилл. Мав сводит брови вместе и смотрит на меня с выражением «вот дермо».

Я смеюсь и, продолжая озираться, выдыхаю:

— Не могу поверить. Это потрясающе.
— Так тебе нравится? — он обнимает меня сзади.
— Нравится. Нравится. Нравится.
— Счастливого Рождества, детка, — целует он меня в шею.
— Счастливого Рождества, — шепчу я в ответ, положив свои руки поверх его.

Через несколько минут после обдумывания и взвешивания всех за и против, мы приходим к выводу, что настало время рассказать Уилл о наших новостях. Она воспринимает все намного лучше, чем мы думали. Она просто спрашивает, мальчик это будет или девочка, на что мы ей говорим, что еще не знаем, а узнаем примерно через месяц. Она лишь хочет убедиться, не придется ли ей делиться своими игрушками, но в целом она не особо обеспокоена. Только пожимает плечами и спрашивает, сможет ли Мав научить ее кататься на велосипеде.

Мы выходим из дома, и я помогаю Уилл надеть защитную амуницию, которую мы ей купили. Мав повторно проверяет, что велосипед безопасен и готов к использованию. Уилл быстро разгоняется и кричит, чтобы Мав отпустил ее. Но даже стоя на подъездной дорожке, я с уверенностью могу сказать, что он не хочет этого делать. Уилл похожа на него и талантлива во многих отношениях, и, честно говоря, меня не удивляет, что она управляет этим велосипедом так, будто ездила на нем несколько месяцев. Меня удивляет реакция Мава. Кажется, он немного разочарован, но следует за ней, как дозорный, готовый кинуться к ней в любую минуту, чтобы поймать, если она упадет.

Его побуждения наполняют меня радостью и гордостью.

Это также заставляет меня осознать, насколько бесценен второй шанс. Подумать страшно, что я могла лишиться всего этого...

По-моему, иногда дать еще один шанс правильному человеку — это единственный выбор, который имеет смысл.

В конце концов, Мав понимает, что Уилл справляется и отступает. Он подходит ко мне и, когда встает рядом, приобнимает меня рукой за талию, притягивая к себе.

— Боже, а она талантливая шалунья, правда? — шепчет он, практически касаясь губами моего уха.

По шее пробегают мурашки, причина которых необузданной желание.

Улыбаясь, я прижимаюсь к нему и обнимаю.

— Да, как кое-кто, кого я знаю.

— Ты, правда, считаешь, что это хорошая идея — собрать всех у нас? — он лезет в карман и вытаскивает свой телефон. Сверившись с часами в мобильнике, он говорит: — Я бы мог сейчас все отменить, и мы бы провели остаток дня по-семейному, втроем. Укрывшись одеялом. На диване. В уюте и тепле. Мы могли бы отдохнуть и посмотреть фильмы.

Посмеиваясь, я щипаю его за бок. Он вздрагивает и пытается увернуться.

— Я шучу, — а после нескольких секунд возникшей паузы добавляет: — Но звучит заманчиво, правда?

Да... заманчиво. Но я обещала приготовить рождественский ужин для армии «Предвестников Хаоса», и я планирую это осуществить. Кроме того, после ухода Ник кто-то должен был взять на себя определенные обязанности и убедиться, что эти мужчины периодически едят домашнюю пищу.

Part 3

Часть 3

ЭМБЕР

Первыми приехали Кендра и Септик со своим выводком энергичных детей. Вскоре после них Гриндер и трое старейшин клуба. Каждый прибывший несет в руках бутылку излюбленного алкогольного напитка и подарки. Некоторые подарки были для меня, но большинство для Уилл или малыша. Наверное, новость о ребенке разлетелись молниеносно, потому что каждый член клуба целует меня в щеку и поздравляет, входя в наш дом.

В следующий раз, услышав дверной звонок, я открываю дверь и обнаруживаю за ней Кэпа и Тэффи.

— Счастливого Рождества! — лучезарно улыбается мне Тэффи и тут же тянет в свои объятия. Секунды не проходит, как она уходит. Скорее всего, чтобы найти Уилла.

Кэп качает головой на бегство своей дочери.

— Здравствуй, милая.

Он пытается одарить меня улыбкой, но на самом деле она ничем не лучше гримасы. На коже вокруг его глаз залегают глубокие морщины, также как и в уголках его губ, но совсем немного. Ему удалось зачесать свои волосы назад, убрав их с лица, и по правде говоря, он выглядит довольно лихо в чёрных джинсах, белой рубашке на пуговицах и низменном жилете.

На мгновение мой взгляд падает на то место, где его жилет украшала президентская нашивка. Я её там не вижу. Но судя по изношенности жилета и незатертости кожи под тем местом, где была нашивка, очевидно отсутствие жизненно важной детали когда-то присутствующей там.

Он не очень рад быть здесь. В отличие от Тэффи. Особенно если учитывать, что он ворчит и чертыхается, пытаясь переступить через порог.

Я не так хорошо его знала, кроме того, что он выглядел несчастным, если только не был под действием обезболивающих препаратов. Как-никак на него было совершено покушение, и он лежал в больнице, когда я объявилась в клубе. Я познакомилась с ним примерно месяц назад, когда он стал достаточно мобильным, чтобы передвигаться самостоятельно.

Мав объяснил, что для такого человека, как Кэп, выглядеть слабым и использовать ходунки для свободного передвижения, особенно перед другими «Предвестниками Хаоса», — худший вид пыток. Мотоциклы были его жизнью, а из-за того, что ноги его не слушались, он, по всей видимости, чувствовал себя скорее мертвым, чем живым. Иногда именно так думают люди, посвятившие свою жизнь скоростной езде.

Не говоря уже о том, что я уверена, Кэп с трудом справляется с окончанием своего почти сорокалетнего брака и смертью своей подруги.

Мне он сразу понравился, по той простой причине, что его любил Мав. На протяжении многих лет он был для него образцом отца, которого у Мава не было. Но я чуть не умерла, когда первое, что он сказал мне, было:

— Черт... девочка... как же ты похожа на моего приятеля.

Кэп не удивился, когда узнал, что я родилась от связи Пэппи с моей материю. Мав рассказал ему длинную историю обо всем, что произошло с тех пор, как я появилась в клубе.

— Между этими двумя всегда что-то было, — сказал он. — Да, конечно, Пэппи любил Вон, а Тэлли любила Смоука, но я догадывался об их чувствах друг к другу. Меня не удивляет, что ты снова вернулась к этой жизни. Ты родилась в этой среде. Наверное, это единственный уклад жизни, который тебе подходит.

Я кивнула и улыбнулась, понимая, что он имел в виду.

И вот. С благословения Кэпа Мав попросил меня оказать ему честь стать его старухой.

Прежде чем уйти и поприветствовать остальных, он задерживается на секунду и окидывает меня долгим взглядом. Он подзывает меня к себе. Когда я приближаюсь, он обхватывает ладонями мою шею и целует меня в уголок губ.

— Он прекрасно смотрится на тебе, милая. Носи его с гордостью.

Он имеет в виду мой жилет, который я надела поверх тонкого кремового свитера.

Поначалу я немного ошеломлена поцелуем, но в то же время понимаю, что это способ некоторых старожил клуба выразить кому-то свое расположение. Речь идет не о сексе, а обуважении и любви.

— Спасибо, что пригласила нас, Куколка. Это многое значит. И спасибо за угождения.

Сказав это, он заходит, опираясь на ходунки, в дом.

Следующим в нашу дверь стучит спектакль под названием Боди. Я открываю дверь и обнаруживаю за ней его — в наряде Санты и в обнимку с двумя девицами.

— Рыжая закусочка! — выкрикивает он, затем бросает девушек позади себя, приподнимает меня, кружит и стискивает в своей стальной хватке. От него такой запашок, словно он окунулся в водку. — Я слышал, у тебя печется булочка в духовке. Не моя ли?

Смеясь, я отталкиваю его от себя.

— Прекрати. Совсем не смешно.

Он забрасывает руку мне на плечо и целует в щеку.

— Смешно, и ты это знаешь.

В комнате раздается раскатистый рык. Похоже, в мой дом забрел волк. Мне ни к чему оборачиваться, чтобы узнать, откуда это рычание исходит.

— Я ввожу правило пяти секунд, — с ворчанием произносит Люци. — Любой из вас идиотов, кто будет прикасаться к ней дольше положенного времени, лишится руки, а вашим новым дорожным именем станет «Однорукий Вилли».

— Слишком заковыристо, — но когда Мав делает шаг вперед, Боди отпускает меня и снова занимает свое место между двумя не очень благочестивыми девушками, которых он привёз с собой. — Тише. Успокойся, Люци, мы просто веселимся. Это же Рождество. Пора вытащить палку из задницы.

Разговор становится неловким, когда Мав тянет меня к себе, а затем говорит:

— Я не разрешал приводить с собой гостей.

— Мав! — упрекаю я мужчину, стоящего позади меня, пихнув его локтем.

С невозмутимым видом Боди представляет нам девушек, или, по крайней мере, пытается представить.

— Это... мммм... — он опускает взгляд на первую девушку и щелкает пальцами. — Бриджит!

— Брук.

— Точно, — кривится он. — А это Тиффани.

— Тина.

— Чёрт, 0:2, счет не в мою пользу, — пожав плечами и двинувшись со своей маленькой процессией мимо меня и насупленного Мава, говорит: — Где жрачка? Я проголодался.

— Видишь, я говорил тебе, что это плохая идея. Этот день начался хорошо, а закончится хреново, — произносит Мав, как только они уходят.

— Все будет отлично, — смеюсь я.

Ворча, он отпускает меня.

— Я вернусь туда. Кто-то должен убедиться, что Боди не проберётся в нашу спальню. Я уже поймал Гриндера за тем, как он глазел на вазу с каминной полки. Я предупредил каждого из этих говнюков, что, если кто-то помочится где угодно, кроме туалета, я их убью.

Я намереваюсь последовать за ним, но стучат в дверь. Развернувшись, я открываю её.

Не собираюсь лукавить, у меня перехватывает дыхание... только слегка... при виде стоящего на моём пороге Дозера, выглядящего как Скандинавский Бог. Его волосы длиннее спереди и гладко зачесаны назад. По щетине, покрывающей нижнюю половину его лица, заметно, что он уже давно не брёлся.

Его улыбка дерзкая и милая, а серо-голубые глаза создают потрясающий контраст с синим оттенком его рубашки поло. На нем тёмные джинсы и жилет с президентской нашивкой, исчезнувшей с жилета Кэпа, а теперь обосновавшейся на жилете Дозера.

Да, он был избран новым президентом «Предвестников Хаоса», не отказавшись от этой должности.

Я думала, он пойдёт к Бетани, как только поймёт, что у нас ничего не получится, но не тут то было. Вместо этого Дозер занял по праву принадлежащее ему место президента и даже переплюнул Боди, став первой шлюхой в клубе. Всякий раз я видела его с новой девушкой. На самом деле меня потрясло, что сейчас он пришёл один.

— Привет, Тыковка, — шепчет он, переступив порог и заключив меня в объятия.

— Один. Два. Три, — слышу я, стоит ему меня обнять.

Дозер отстраняется и бросает взгляд мне за спину. Затем, глядя на меня с высоты своего роста, спрашивает:

— Что он делает? Играет в прятки с Уилл?

— Нет, Мав ввёл новое правило пяти секунд, — отвечаю я, качая головой, в то время как за его спиной открывается дверь. — Он грозится оторвать руки, если вы, парни, будете прикасаться ко мне дольше положенного.

— И у тебя такой вид, будто ты хочешь лишиться рук, — говорит Мав позади меня. Глянув через плечо, я вижу, как он прислоняется к стене.

Я слышу смех Гриза, прежде чем замечаю его. Он не постучал, потому что никогда не стучит. Он практически живёт здесь.

— Удачи тебе в этом, брат. Ты не помешаешь мне прикоснуться и обнять мою девочку.

— Мою девочку, — снова рычит Мав.

Повернувшись, я приструняю его сердитым взглядом. Он чертыхается, злобно смотрит на двух байкеров в прихожей, а затем отталкивается от стены и направляется на кухню.

— Проверь окорок, — кидаю я ему вслед. — И на этот раз не спали его.

— Один раз! — отзыается он. После чего ворчит: — И это твоя вина. Ты отвлекла меня.

Гриз опускает сумку, набитую подарками, а затем обвивает меня своими татуированными руками.

— С Рождеством, дорогая. Как ты себя чувствуешь?

Я обнимаю его в ответ.

— Хорошо. По-прежнему никакой утренней тошноты. Наверное, я счастливица.

— Рад за тебя, — говорит он. — Кстати, к разговору о свином окороке. Я думал, ты говорила, что будет индейка.

— И не только.

Он отступает и смотрит на меня сверху вниз.

— А начинка с подливой? — он удерживает одну руку на мне, а другой рукой потирает свой живот.

— На подходе.

— Вот это я и хотел услышать, — затем он разглядывает мой жилет. — Чёрт, девочка, он хорошо смотрится на тебе. Ты определенно превзошла одну прекрасную старушку.

Дозер, наконец, тоже его замечает, а может просто не хотел замечать. В любом случае, его непринужденная улыбка становится натянутой.

— Да, выглядит неплохо. Ты счастлива?

— Я очень счастлива, — улыбаясь, говорю я ему со всей искренностью.

— Рад слышать, — подмигивает он. — Убедись, что он хорошо с тобой обращается, ладно?

— Ладно.

Вскоре приезжают остальные гости: Лили, Гус, Ригор, Санни, Смоук, Таз и Уиз. Наконец, все в сборе и приходит время садиться за стол. Мав разрезает индейку. Гриз нарезает свиной окорок. Лили достаёт все, что мы поставили в холодильник охлаждаться, и втыкает ложки в каждое блюдо. Бетани с детьми приезжает чуть позже, но с двумя огромными противнями запеченного картофеля, готовыми к подаче на стол, и огромной коробкой с булочками, которые она заказала в пекарне возле своего дома. Я сразу поняла, что она нервничает и, может быть, даже немного взъярвана с того момента, как приехала, но вдаваться в подробности времени не было, поэтому она заверила меня, что объяснит все позже.

Дозер избегает её, оставаясь на противоположной стороне комнаты. Он даже сидит на другом конце стола. Вероятно, это было не заметно другим, но очевидно для них и меня. Печально, что вы страдаете от любви к небезразличному вам человеку, но вместо того, чтобы поддаться сильным чувствам и обрести счастье с этим человеком, вы отталкиваете друг друга.

В какой-то момент, когда Бетани разговаривала с сидевшим рядом с ней Ригором, я заметила, как Дозер метал в её сторону смертоносные взгляды. У меня возникло

ощущение, что между ними сейчас больше враждебности, чем было несколько месяцев назад. Я призадумалась, не случилось ли что-то, чего я не знаю.

Ещё одна деталь, которая не ускользает от моего внимания, — это притихший Таз. Пока все болтают и подшучивают друг над другом, он, кажется, пребывает в своём собственном мире. Словно мыслями он совсем в другом месте. Я думаю, он все ещё чувствует свою вину за то, что случилось со мной и с Уорнером. Позже мне надо будет подловить его одного и дать ему понять, что я не держу на него зла. Но на всякий случай, если это не поможет сгладить ситуацию, у меня есть идея, как он может искупить свою вину.

В моей голове крутятся мысли о том, чтобы найти Айви. Теперь, когда апартаменты над гаражом готовы, пришло время разыскать её и попытаться отдать долг, который числится за мной.

Покончив с ужином, парни выходят из дома, чтобы выпить и покурить. Дети бегут поиграть во двор, а женщины наводят чистоту, сплетничают и разделяют бутылку вина.

Пока я мою посуду, Лили вытирает её. Мы почти заканчиваем, как вдруг она наклоняется и шепчет так, что слышу её только я.

— Мне кажется, что Гус снова подсел на дурь.

Застигнутая врасплох её репликой, я цепнею и недоуменно смотрю на неё. Её безупречные волосы завиты и уложены на одно плечо. Она одета с иголочки — иначе и быть не может — в чёрную атласную рубашку и узкие джинсы, а на ногах у нее чёрные с ярко-красными акцентами шпильки.

Её брови сведены на переносице, и на секунду её взгляд пересекается с моим.

— В последнее время он часто отлучается. Сегодня утром его стошило. Дважды. Он сильно потеет. По-моему, у него ломка. Мне хочется расспросить его, но если я ошибаюсь, он подумает, что я ему не доверяю.

Я слышу, как открывается задняя дверь. Украдкой глянув через плечо, я вижу входящего в дом Гуса, словно догадавшегося, что мы говорим о нем, потому что его взгляд сталкивается с моим. За ним следуют остальные парни и Дозер.

— Лил, — зовёт её Гус, и мы обе замираем. — Малышка, подойди ко мне на секунду. Я кое о чём хочу тебя спросить.

Напряжение в комнате возрастает, а парни кажутся необычайно молчаливыми.

Лили бросает тряпку на столешницу и, глубоко вздохнув, поворачивается лицом к нему. Я тоже поворачиваюсь и смотрю, как она неспешной походкой от бедра идёт к нему. Он не выглядит счастливым. На самом деле, у него довольно-таки болезненный вид. Лили была права, с ним что-то происходит. У него бледная кожа, и он дергается, как сумасшедший, потирая руки, затем проводит ими по своим длинным подернутым сединой тёмным волосам, зачесывая их назад, чтобы они не лезли в глаза.

В комнате повисает тишина в тот момент, когда Лили останавливается перед ним. Затем меня осеняет, почему Гус выглядит так, будто его вот-вот вырвет. Но Лили пока не догадывается, озираясь вокруг с паникой в глазах, а затем спрашивает Гуса:

— Что случилось, малыш?

Она проводит рукой по его волосам, отводя прядь, которая снова падает ему на лицо.

Гус несколько резко хватает её за руку, затем за другую, на долю секунды удерживая их в своей хватке, после чего опускается на одно колено.

По комнате разносится эхо затаенных вдохов.

— Финн, — произносит Лили, прикрыв рот рукой.

— Детка, ты, наверное, гадала, какого хрена со мной происходит. Я знаю, что вел себя глупо. Но я просто пытался найти способ спросить тебя о кое чем важном. Видимо, это будет самый серьёзный вопрос, который я когда-либо тебе задам.

Мы все улыбается, а половина женщин уже плачет. Поэтому, когда Лили ударяется в слёзы, начинает качать головой и отступает, никто из присутствующих не двигается.

Страх на лице Гуса сменяет паника.

— Детка.

Лили ведет себя очень странно. Разворачивается, прошептав «мне жаль», и выбегает из комнаты.

Гус не медлит ни секунды. Он выкрикивает её имя и бежит за ней, оставляя нас в недоумении, пытающихся понять, что именно сейчас произошло.

Женщины начинают перешептываться. Кроме меня и Бетани. Мы обе смотрим друг на друга, задаваясь вопросом, почему Лили не сказала «да». Она любит его каждой клеточкой своего тела. Так зачем убегать?

— Это их дело, — довольно громко произносит Дозер, чтобы его услышали все. — Не вмешивайтесь.

— Пойдемте открывать подарки, — предлагает Кэп, и это хорошая тема для смены разговора, потому что, как только он её озвучивает, кто-то из детей кричит «ПОДАРКИ!», и нас всех чуть не сметает свора детей, кричащих и бегущих в дом, вопя одно и то же.

К тому моменту, когда я открываю свой последний подарок полученный от моей новой семьи «Предвестников Хаоса», я измучена и готова заснуть на месте. Они избалуют меня, Уилл и ребёнка. По правде говоря, я понятия не имею, что я буду делать со всем, что мне надарили.

Схватив последний подарок под деревом, Уилл сует его мне в руки.

— Мамочка, ты ещё не открыла свой последний подарок.

Я бросаю взгляд на Санни, когда Уилл называет меня «мамочкой». Она сидит рядом со Смоуком, устроившись на краешке дивана. На краткое мгновение в её глазах проскальзывает грусть, но потом она улыбается и кивает. Смоук опускает ладонь на колено Санни и сжимает его.

Пару недель назад она призналась мне, что посещала психотерапевта и обсудила с ним немало проблем. Одной из которых была мучившая её так долго вина из-за того, что она считала себя плохой матерью. Она также призналась мне, что, глядя на то, как хорошо я лажу с Уиллом и как сильно малышка меня любит, у неё стало спокойнее на душе. Я не знаю правда ли она имеет это в виду, но услышанное избавляет меня от страха, что однажды она передумает и примет решение забрать Уилла. В конце концов, дело сделано, но если она когда-нибудь захочет принять в жизни Уилла более активное участие, я не буду ей в этом препятствовать. Для нас обеих все сводится лишь к тому, чего хочет Уилл и что лучше для неё.

И так будет всегда.

— Открой его.

Я задумываюсь всего на секундочку. Но обведя взглядом комнату и всех присутствующих в ней людей, я качаю головой.

— У этого подарка особые инструкции. Она должна его открыть в одиночку, — говорит Мав, сидя позади меня и удерживая в своих объятиях.

— Но я хочу посмотреть, что внутри, — морщит свой маленький носик Уилл.

— Я покажу тебе после того, как открою его, хорошо?

Она переводит взгляд на меня, затем отходит и мгновенно находит, чем себя развлечь.

Вскоре народ начинает собираться и подтягиваться к выходу. Гости уезжают один за другим. Кроме Гриза, который на некоторое время задерживается, чтобы Уилл могла показать ему все, что она получила на Рождество, и мой новый детский садик, хотя я уверена по заговорщицкой улыбке, которую он мне адресует, он уже его видел.

Я погружаясь в объятия Мава и наслаждаясь ощущением его горячего дыхания на моей шее. Он сдвигает меня вправо так, что я сажусь в нему на колени.

— Мммм... я говорил тебе, как хорошо ты сегодня пахнешь? — шепчет он мне на ухо. — Мне нравятся эти новые духи.

Я в отрицании качаю головой.

— Да. Мне хочется нагнуть тебя прямо здесь и сейчас и затрахать до потери сознания, — он прокладывает дорожку поцелуев от моего уха до шеи. — Я говорил тебе, как горячо ты смотришься в своей новой одежде?

Я опять отвечаю отрицательно. Он проводит рукой по моим чёрным облегающим штанам сверху донизу, на обратном пути скользя рукой по внутренней стороне моего бедра. Он приподнимает меня так, чтобы я оседлала его.

— Мне нравится это. Ты одета, но такое чувство, что ты голая.

В комнату вбегает Уилл, и Мав сразу все останавливает. Уилл не один раз заставала нас в весьма компрометирующей позе и, поверьте мне на слово, не так-то просто объяснить пятилетнему ребёнку, почему Мав задрал мою футболку.

Особенно стянул её с меня через голову.

— Мав! Гриз хочет посмотреть, как я езжу на своём велосипеде. Ты придёшь мне помочь? Просто подтолкни меня, и я покачусь на нем, как раньше.

Я слышу, как Мав устало стонет, не потому, что не хочет помогать, а потому, что мы оба измотаны. Вместо того, чтобы найти оправдание, он отвечает ей согласием и снимает меня с колен. Прежде чем уйти, он крепко целует меня и говорит:

— Может быть, сейчас самое подходящее время, — он переводит взгляд на подарок, который я положила на диван рядом с собой, — открыть его и покончить с этим.

Я думаю, он прав. Рождество почти прошло, я и так долго откладывала.

— Я только удостоверюсь, что мне не о чём беспокоиться, хорошо?

Когда я наконец киваю ему, Мав подхватывает подарок и начинает его открывать. Мы заключили своего рода соглашение, что даже если этот подарок адресован мне, Мав, по крайней мере, должен открыть его и убедиться, что это не навредит мне или ребёнку, и не напугает меня досмерти.

Он слегка отворачивается от меня после того, как срывает упаковочную бумагу. Я вижу, что это маленькая деревянная шкатулочка, но не вижу, что находится внутри, когда он поднимает крышку. Тем не менее, я вижу, как Мав хмурится и замечаю недовольство тем, что он обнаруживает внутри.

— Я убью его нахрен.

— Что? Что это? — говорю я, протягивая руку.

Он отходит, чтобы отвести шкатулочку подальше от меня, но я зову его по имени и он замирает.

— Это от Пэппи.
У меня сводит желудок, а сердцебиение учащается.
— Что это? — спрашиваю я снова.
— Письмо и несколько фотографий, — через секунду он произносит: — Его фотографии и, судя по всему, её, твоей мамы. Не похоже, что их связь была временной.

Part 4

Часть 4

ЭМБЕР

Эмбер,

Я знаю, что я последний человек, которого ты хотела бы выслушать. И я не виню тебя за то, что ты оборвала всякие контакты и вычеркнула меня из своей жизни, раз уж посчитала это необходимым. То, что я сделал, или, по крайней мере, то, что тебе известно об этом, выглядело так, будто я не хотел знать, что у меня есть дочь. Хотя, Богом клянусь, дитя, это весьма далеко от истины. Я не оправдываюсь. Я просто даю тебе понять, что всё услышанное тобой не ответит на вопрос, почему я тебя заказал. Но ты имеешь право знать, почему я так поступил. Видишь ли, когда новости о тебе и твоем парне стали достоянием общественности, я и подумать не мог о твоем существовании. И сначала я этому не поверил. Но, полагаю, один смывшлённый репортер каким-то образом догадался, что ты была моей дочерью, разнюхав историю твоей мамы и по твоей фамилии определив наше родство. Сначала он пришел ко мне. Требовал деньги за молчание. Он умер, не успев рассказать о тебе ни единой душе, но я подумал, если он смог сопоставить, что к чему, то сможет и кто-то другой. И я был прав. Вскоре еще больше акул, либо из-за бабла, либо почувяв кровь, начали кружиться в мутной воде. Я нажил много врагов. Большинство из них больные ублюдки, которых я бы с удовольствием пристрелил как бродячих псов. Я поставил бы между ними и тобой армию, если бы знал, где тебя найти. Но я этого не знал. Поэтому сделал единственное, что мог, чтобы тебя обезопасить.

Я делал вид, будто твоя жизнь ничего для меня не значит. Я играл так, будто убил бы тебя сам, если бы подвернулся случай. И, как я предполагал, интерес к тебе с целью причинить мне боль, мгновенно пропал. Это была чертова игра. Уж поверь. Мне безумно жаль, что ты угодила в эту заварушку и подверглась опасности. Если бы я мог защитить тебя от необходимости пройти через это, я бы это сделал.

Я не настолько гордый человек, чтобы скрыть от тебя правду и не признаться в том, что испоганил свою жизнь. Я столько раз сворачивал не туда, что в итоге сбился с пути. Я многое испортил. Причинил боль многим людям. Меня преследует так много призраков, что в иные дни я не уверен, что по-прежнему пребываю в здравом уме. Возможно, уже нет.

Я наделал много ошибок. Самая большая из них связана с твоей матерью. Я позволил ей выскоизнуть из моих рук.

Когда я узнал, что у меня есть еще один ребенок. Ребенок, рожденный от любви, разделенной между мной и твоей мамой, думаю, этот день вошел в пятёрку лучших дней в моей жизни. Я сразу захотел узнать о тебе всё. Я захотел встретиться с тобой. Но из-за того, кто я, и ошибочного выбора, который я совершил, я сразу понял, что это невозможно. Тебе лучшие без меня.

Я вздохнул с облегчением и в то же время был объят ужасом, когда выяснил, что ты находилась у «Предвестников Хаоса». Ты не знаешь, и Смоук тоже, но я намеренно отправил его к тебе, как и твоего брата. Я подумал, будет достаточно лишь одного взгляда на тебя, чтобы мои секреты всплыли наружу, а они признали тебя одной из нас.

Ради тебя я был готов раскрыть нашу с твоей мамой тайну и причинить боль моему старому другу. Но если бы у него выдался шанс защитить тебя, значит, это того стоило. Возможно, ты мне не веришь. Возможно, это похоже на случайное стечение обстоятельств. И это нормально. Только одно имеет значение, — теперь ты в безопасности, а рядом есть человек способный тебя защитить, и клуб, который всегда прикроет твою спину.

У меня была еще одна причина написать это письмо, и теперь, когда моя жена покинула этот мир, я могу, наконец, связаться с тобой и признаться, что женщины, которая повинна в исчезновении твоей матери, настигла Божья кара.

Это все, что я могу сказать. Это и то, что твоя мама не вернется, дорогая.

Прости. Мне очень жаль.

Это моя вина. Всё это. Я ни разу не поднял руку на твою маму, но я возьму всю вину на себя, потому что этого бы никогда не случилось, если бы я не полюбил ее. Если бы я не преследовал ее. Если бы я не просил ее набраться храбрости и ответить мне взаимностью.

Прости.

Я бы хотел повернуть время вспять и вернуться на несколько лет назад. И всё изменить.

Я бы хотел узнать тебя.

Но я бы предпочел, чтобы ты жила и растила прелестных девочек, была счастлива и здорова. Поэтому я думаю, что сейчас самое лучшее — попрощаться и пожелать тебе достойной жизни. Полноценной жизни.

Если тебе понадобится еще одна армия, чтобы прикрыть твою спину... твой брат и другие «Гринбеки» не заставят себя ждать, только позови.

Со всей любовью, что живет в моем сердце,

Д.П.

Где-то на середине чтения письма в третий раз, когда из меня вырываются рыдания, я чувствую, как руки Мава скользят по моей талии. Он притягивает меня к себе. Крепко обнимает и шепчет ласковые слова на ухо.

Он рычит, что убьет его, моего отца, за то, что тот испортил наше первое Рождество. Он говорит, что уже предупреждал его о том, что если он когда-нибудь свяжется со мной, Мав его прикончит.

Я признательна Маву за эти слова, как-никак часть меня полагает, что все в этом письме одна большая ложь или способ моего отца снова причинить мне боль.

Но в глубине души прочитанное мной кажется правдой. И хотя большая часть меня плачет по матери, которая, как мне теперь известно, мертва, крошечную часть меня утешают вскрывшиеся подробности того, что с ней случилось, и что она оставила меня не по своей воле. Наконец-то я смогу закрыть эту неоконченную главу своей жизни. Главу, которую я не могла закрыть раньше. Не в силах была это сделать.

Похоже, только в наступающем году мы с Мавом, нашей новой семьей и нашим будущим малышом оставим прошлое позади. Уорнера. Мою мать. Мою вину по отношению к Санни и тому, что я взяла на себя роль мамы Уилл.

Я тут же решаю для себя, что это будет моим новогодним обещанием. Отпустить боль прошлого и поприветствовать грядущее счастье. Все счастье, которое ожидает меня в будущем с Мавом, Уилл и этим не родившимся малышом.

Я поприветствую его с распластанными объятиями. Буду радоваться каждому божьему дню. И хотя я ничего не забуду... Я прощу и двинусь дальше.

Мав приподнимает мое лицо, намереваясь спросить, все ли со мной в порядке. Не успевает он задать вопрос, как я шепчу «да», говорю, что люблю его и хочу сейчас лишь одного, чтобы он любил меня со всей страстью на которую только способен.

Мне ни к чему просить дважды. Мав вытирает мои слезы и целует в те места, по которым они катились. Он поднимает меня и относит в нашу спальню. Положив меня на кровать, он говорит мне, что вернется, и уходит, чтобы позаботиться об Уилл и уложить ее спать. Вернувшись, Мав делает все возможное, чтобы стереть из памяти мысли о моей матери и отце.

На протяжении нескольких часов он показывает мне, почему мы есть и всегда будем идеально подходить друг другу. Это всегда был мой путь. А он всегда будет моим выбором.

Playlist

Part 1 - She is Love-Parachute

Part 2 - The Christmas Song-Nat King Cole

Part 3 - Merry Xmas Everybody-Slade

Part 4 - Lighting Crashes-LIVE